

Сведения о выполненных работах в 2020 году
по проекту **«Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры
сибирских региональных столиц»**,
поддержанному Российским научным фондом
Соглашение № 18-18-00293

Руководитель Нам Ираида Владимировна, д-р ист. наук

Одной из основных задач третьего года исследования было продолжение описания, определения функций и особенностей «мигрантских» локальностей, обнаруженных в ходе предварительной полевой работы, а также поиск новых «мигрантских» пространств на цифровых площадках.

Были продолжены исследования рынков Иркутска и Томска. Сопоставление эмпирических данных, собранных в Томске и Иркутске показало, что в Иркутске мигранты-торговцы становятся иркутскими торговцами мигрантского происхождения; сохраняется и развивается мигрантский бизнес как таковой, особенно в туристической сфере; формируется по модели американских чайнатаунов сектор экономики по производству и продаже этнического и мигрантского продукта для туристов. В свою очередь в Томске динамика развития рынков приводит к их растворению в городском пространстве; торговля на рынке служит для мигрантов «отправной точкой» на первых этапах адаптации к новому месту пребывания; мигрантский бизнес на рынках зачастую экономически невыгоден, продолжает существовать за счет рекрутинга работников через родственные, земляческие связи.

В 2020 г. производился анализ форм жилья и соседства мигрантов на основе ранее собранного полевого материала. Проведенный анализ мотивов выбора жилья в двух сибирских городах, позволяет сделать вывод, что большинство мигрантов отправляются в Россию к кому-то (родственники, друзья, коллеги, земляки), и этот кто-то является начальным и важным звеном в выстраивании социальной сети мигрантов, этот кто-то одновременно выполняет функцию навигатора мигранта, одной из функций которого является обеспечение приезжего жильем. Отражен этнографический опыт исследователя, включенного в поле – детальное описание жилья мигранта «изнутри». Это позволило подтвердить выдвинутую ранее гипотезу в парадигме транснационализма о мультилокальности жилища мигрантов, которое концептуализируется не как статичное место, а как текучее, включающее в себя его создание, изменение, перемещение и разрушение.

Исследование видимых элементов мигрантской инфраструктуры в Томске (сеть узбекских кафе «Ош» и других «узбечек», таджикское кафе «Баракат», многочисленные овощные киоски, сеть цветочных салонов «Азалия» и др.) показало, что они представляют собой бизнес-структуры эконом-класса, которые дают работу, как мигрантам, так и жителям города. Но, в отличие от узбекских и таджикских кафе, персонал которых состоит из мигрантов, продавцы в цветочных магазинах «Азалия» - местные жители.

В 2020 г. были проанализированы роль и место некоммерческих национально-культурных организаций (ННКО) в «мигрантской» инфраструктуре города в исторической динамике и современности. Выявлена роль лидеров и активистов национальных организаций, которая заключается в выполнении ими посреднических задач: отстаивание интересов мигрантов перед лицом властей, обязательство перед властями контролировать поведение этих мигрантов, создание системы коммуникаций в городском сообществе, выстраивание отношений с властями «страны происхождения». Следствием стало закрепление особых взаимоотношений органов власти и национально-культурных организаций. В их основе лежит стремление властей использовать ННКО в качестве инструмента «национальной политики», включая в отдельных случаях финансирование, являющееся базисом национальной политики.

Продолжено исследование, посвященное мусульманскому пространству сибирских региональных столиц, особенностям межэтнических взаимоотношений в религиозном поле, локальной мусульманской инфраструктуре. В рамках мигрантской мусульманской инфраструктуры между локальными религиозными лидерами происходят конфликты за «право на город», передел влияния на разные группы прихожан (в том числе и этнические) и борьба за административный ресурс. Особое внимание в отчетном году было уделено практикам религиозных мулл в Иркутске. Было определено, что большая часть мулл, с которыми мы общались, достаточно давно живут в Иркутске. Они встроены в социальный, профессиональный, миграционный и религиозный контексты региона, обладают значительным социальным капиталом, известны не только среди прихожан, регулярно посещающих мечеть, но и в целом среди мигрантов из Центральной Азии и даже шире - в мусульманской среде Иркутска. Их религиозный авторитет переплетен с их миграционным и профессиональным. Они не просто уважаемые хафизы или экзорцисты, они оказываются ключевыми фигурами мигрантского пространства агломерации. В той или иной степени каждый из мулл не только определяет религиозную повседневность своих земляков, увещевает и наставляет их, помогает пройти через кризисные ситуации, но определяет локальные миграционные процессы. В 2020 году выполнено описание мигрантской мусульманской инфраструктуры, в рамках которой между локальными религиозными лидерами постоянно происходят конфликты за «право на город», передел влияния на разные группы прихожан (в том числе и этнические) и борьба за административный ресурс. Выявлено, что миграция является существенным фактором изменения социального ландшафта, складывающегося вокруг религиозных организаций: она способствует смещению представлений о «мусульманском сообществе» как у прихожан мечетей, так и у местных жителей. Было установлено, что складываются новые и уходят старые землячества, группы мигрантов занимают одни и покидают другие городские пространства.

Произведена верификация ряда заявленных в плане работы гипотез (об оспаривании городской инфраструктуры мигрантами и «местными», об одностороннем формировании ситуации конфликта за право на город принимающим

сообществом, о совместном создании и использовании инфраструктуры мигрантами и «местными», о существовании «закрытой мигрантской» инфраструктуры, об активном участии медиа в создании образа «мигрантской» городской инфраструктуры, а также о рынках, как о «мигрантских» локальностях). Выявлены предпосылки, определяющие специфику оспаривания городских пространств в Сибири мигрантами и принимающим сообществом. Она формируется исходя из создавшейся традиции включения миграции в языки описания повседневности принимающим сообществом. Выявлена специфика российской ситуации взаимного конструирования языка описания миграционных процессов. Установлено, что этнические категории в повседневных описаниях миграции и мигрантов не обязательно предполагают фиксацию групповости на основе этнической солидарности или общности миграционного опыта. Установлено, что специфика языкового маркирования мигрантов в собранном в ходе проекта материале может являться одной из причин одностороннего формирования ситуации конфликта за «право на город». Установлена роль медиа в формировании в представлении принимающего сообщества ситуации переопределения монополистов на «право на город».

Был выполнен анализ практик репрезентации «мигрантских» пространств Иркутска в цифровых медиа. На основе анализа региональных цифровых медиа (более 1000 материалов) была составлена карта «мигрантских» территорий Иркутска по результатам анализа региональных цифровых медиа, рассматриваемых как инструмент «производства пространства» с целью выявления «мигрантских» пространств и соответствующих им практик на территории города. Были определены различия между социально-пространственными образами «миграции», транслируемыми профессиональными и социальными медиа. Ключевое отличие заключается в том, что профессиональные медиа ретранслируют бюрократическое видение «мигрантских» пространств как объектов постоянных проверок, девиантных и маргинальных территорий на городских окраинах, преимущественно точек концентрации неформальной, низкоквалифицированной, физической работы. В 2020 году была апробирована гипотеза о формировании различными поисковыми алгоритмами разных социально-пространственных образов миграции в сети. Установлено, что поисковые алгоритмы фрагментируют стереотипные публицистические образы миграции, которые меняются не только в зависимости от выбора поисковой системы, но и от времени поступления запроса. Разница в выборе может обуславливать существенные отличия в социально-пространственных контекстах миграции, а простое переключение между разными поисковыми системами потенциально может повлечь за собой переосмысление стереотипных конструкций.

В 2020 году были обработаны материалы, полученные во время полевых исследований в Томске и Иркутске в школах. Было описано, как дети мигрантов адаптируются в школах и как сами школы реагируют на появление в них детей мигрантов. Исследование показало, что даже в городах, таких как Томск и Иркутск, которые не являются основными центрами притяжения мигрантов в России, вопросы,

связанные с обучением детей мигрантов в школах, актуальны. Основными проблемами в школах является отсутствие какой-то понятной как для администрации, так и для учителей политики в отношении этих детей, отсутствие адаптационных программ в школах, а также дополнительных уроков русского языка. Проведенные в школах интервью с учителями и администрацией показали, что школа не готова сегодня принимать то разнообразие, которые приносят дети мигрантов в ее пространство. На понимание школы как единого стандартного пространства, в котором дети должны соответствовать определенным нормам (как образовательным, так и культурным) влияет образовательная политика государства. Исследование показало, что часто проблемы, связанные с детьми мигрантов, предпочитают умалчивать, тогда как для некоторых учебных заведений поиск новых форм взаимодействия с этой группой учеников сделал бы возможным их более комфортное сосуществование детей мигрантов и местных детей и учителей.

Проведен анализ практик репрезентации первичного опыта погружения студентов, участвовавших в анкетировании в Иркутске, в «мигрантскую» среду. Установлено, что большинство интервьюеров использовали стратегию поиска респондентов, основанную на отборе по фенотипическим, языковым, визуальным отличиям, соответствующим стереотипным представлениям студентов о мигрантах. Установлено, что большинство интервьюеров после первых коммуникативных провалов пытаются использовать горизонтальные сети для поиска мигрантов через знакомых, снимая тем самым психологический барьер. Предположительно, значительное количество тех, кто воспользовался такой стратегией может говорить о том, что мигранты менее изолированы в принимающем обществе, нежели представляется. Следует отметить, что по результатам анкетирования интервьюеры отмечали несоответствие характеристик, присущих мигрантам, их прежним представлениям о «мигрантах».